

восходныхъ страницахъ въ трактатѣ „О жизни“, Толстой, показывая, что истинная индивидуальность выступаетъ въ разумномъ „я“, даетъ намъ такую характеристику этого разумнаго „я“, которая совершенно невмѣстима въ рамки пантеизма, а неизбежно ведетъ къ утверженію метафизической стойкости индивидуальности, къ философскому плюрализму. Вѣдь характеристика „я“, какъ неповторимаго своеобразія, какъ особеннаго отношенія къ міру, рисуется намъ разумною жизнью не въ ея общечеловѣческой сторонѣ, а именно въ ея индивидуальной основѣ. Конечно, *этимъ* мыслямъ, а не мистическимъ запросамъ чувства, почти нигдѣ не выраженнымъ, нужно приписать то, что Толстой, утверждавшій тождество Бога и разумнаго я, потомъ переходитъ къ агностицизму. „Человѣкъ не можетъ (!) не спрашивать, пишетъ Толстой, критикуя самого себя, для чего Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ себя въ отдѣльныя существа и въ тѣло отдѣльнаго человѣка?“ Это возраженіе противъ пантеизма, которое еще Платонъ развилъ въ глубокомысленную богословскую концепцію, Толстой разрѣшаетъ ссылкой на непостижимость высшей воли. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ („Христіанское учение“, стр. 18) онъ пытается метафизически обосновать „раздѣленіе Бога“ (довольно часто встрѣчающееся выраженіе у Толстого) тѣмъ, что лишь такимъ образомъ возможно самосознаніе. Замѣтимъ только, что проблема самосознанія Бога была разработана еще Аристотелемъ,—и лишь слабостью философскаго дарованія можно объяснить шаткость этого пункта въ системѣ Толстого. Часто кажется при чтеніи богословскихъ трактатовъ Толстого, что онъ никогда не умѣлъ подняться до послѣдовательнаго и яснаго мышленія и лишь формулировалъ тѣ (часто противорѣчивыя) переживанія, которыя онъ имѣлъ... Вѣдь если „раздѣленіе“ Единаго Бога дѣлаетъ возможнымъ самосознаніе Его,—то не слѣдуетъ ли отсюда вѣчность этого раздробленія Бога на отдѣльныя существа? И вотъ въ той же главѣ читаемъ мы строки, какъ будто выражающія именно эту мысль: „наша любовь къ тому, что доступно намъ, говоритъ Толстой, составить въ будущей жизни одно цѣлое существо, которое будетъ близко намъ какъ наше собственное тѣло“. Кто это „мы“, которымъ новый коллективный организмъ будетъ близокъ, не берусь рѣшать; индивидуальное ли я (равное въ то же время Богу), или нѣтъ, не знаю,—но не защищаетъ ли